Амёхина Е.Е.

Н.В. Гоголь и Н.М. Языков: природа диалога.

Тема взаимоотношений Гоголя и Языкова долгое время не привлекала внимания литературоведов. Последняя работа В.И Шенрока «Материалы для биографии Гоголя», до некоторой степени освещавшая эту проблему, датирована 1897 годом. В течение целого века не предпринималось попыток понять, что же связывало гениального писателя с поэтом, чья слава ушла далеко в прошлое, но чей тонкий художественный вкус, чуткое отношение к слову, всегдашняя деликатность и добродушие привлекали Гоголя с очевидным постоянством. О природе взаимоотношений поэта и писателя размышляли в мемуарной литературе[1], 4-х томном труде В.И. Шенрока[2], в исследованиях М.К. Азадовского[3], статьях А. Степанова[4], работах А.А. Карпова[5], Д.В. Абашевой[6]. Впрочем, авторов этих исследований фигура Языкова чаще интересовала как источник для самостоятельного интереса либо рассматривалась в ряду других знакомых Гоголю людей. Но до сих пор не существует исследования, объясняющего истоки и причины взаимоотношений Гоголя и Языкова, характер и особенности их эпистолярного диалога и определяющего место личности Языкова в жизни писателя, в творческих и религиозных исканиях последних лет его жизни. В свете представленных нами предпосылок главным источником изучения личных и творческих контактов, конечно, остается переписка Гоголя и Языкова.

Самое полное из имеющихся на сегодня исследований отношений поэта и писателя принадлежит перу В.И. Шенрока. Все остальные, лишь мимоходом касаясь этой темы, в основном, повторяют суждения одного из первых биографов Гоголя. В его же интерпретации Гоголя и Языкова связывала поверхностная личная симпатия. Языков никогда не испытывал особенной дружбы к Гоголю: все это вытекало из «несходства их психического склада».[7]

Нам представляется, что отношения писателя и поэта – вдохновенный диалог между духовно близкими людьми, нашедший свое отражение в творчестве каждого. Судьбы Гоголя и Языкова имели много общего: яркий взлет в

начале творчества, признание, слава, болезнь и непонимание, сопутствующие идейному кризису и перестройке сознания. Но были у них и безусловные различия. Гоголь, несмотря на мрачный, часто безысходный тон его писем, (при этом не забывающий наставлять своих собеседников), более стоек, более устремлен к цели своей жизни – созданию главных произведений. Языков же при всей видимой легкости, шутливости, незатейливости писем последних лет глубоко переживал творческий кризис, тяготы болезненного состояния и не обладал целеустремленностью и абсолютной верой, которая бы помогла ему более осмысленно и спокойно встретить жизненные невзгоды.

Эпистолярный диалог поэта и писателя длился с 1841 по 1846 год. Известно 46 писем Гоголя к Языкову и 30 писем Языкова к Гоголю[8]. С 14 июля 1842 года по 17 мая 1843 года поэт и писатель вместе жили в Риме. Переписку условно можно разделить на три значимые для обоих темы: болезнь, религия и поприще поэта. Сходные взгляды на эти предметы сблизили и укрепили их дружеские связи.

Гоголь восхищался поэтическим даром Языкова, некоторые его стихотворения он ставил на такой пьедестал, которого не удостаивался, в восприятии писателя, ни один русский поэт. Он пишет о «Землетрясении»: «Да послужит оно тебе проспектом вперед! Какое величие, простота и какая прелесть внушенной самим Богом мысли! Оно, верно, произвело у нас впечатление на всех, несмотря на разность вкусов и мнений. Скажу тебе также, что Жуковский подобно мне был поражен им и признал его решительно лучшим русским стихотворением…»[9]. В 1844 году в письме к П.А. Плетневу Гоголь размышлял о природе особой доверительности к поэту: «В Москве все, кроме, может быть, одного Языкова (который потому только несколько больше меня знает, что столкнулся со мной в горькие и трудные минуты жизни, в которые, как известно, узнается более человек) <…> думают, что я скрытный и недоверчивый»[10].

Известны своего рода предвзятость и предубеждение Гоголя против его «московских друзей» - М.П. Погодина, С.П. Шевырева, С.Т. Аксакова[11]. И.С. Аксаков даже писал, что Гоголь просил А.О. Смирнову: «<…> с моими мос-

ковскими приятелями не рассуждайте обо мне: они люди умные, но многословны»[12]. Языков тоже может быть отнесен к числу московских друзей Гоголя, однако, с ним отношения сложились иначе. На фоне неоднозначных и противоречивых отношений с Белинским, представителями славянофильской школы, уникальными людьми с огромной эрудицией и талантом, неизменная привязанность к Языкову, в таком контексте кажущемуся слишком заурядной фигурой, выглядит не вполне понятно.

Поэт не всегда был прикован к постели и погружен в тоскливые размышления, как это было во времена его дружбы с Гоголем. Тяжкая болезнь – результат жестокого распоряжения высших сил. Языков представляется нам поистине трагической фигурой нашей словесности тех лет. Годы его поэтического взлета и скорого угасания пришлись на эпоху декабризма, и это не могло не наложить определенного отпечатка на восприятие творчества поэта даже во времена расцвета его таланта. Судьба поэтического пути Языкова предвосхищает позднейшие перипетии, связанные с трактовкой творчества Тютчева, Фета. Всех их, на наш взгляд, объединяет понятие несвоевременности, невостребованности их лирического дара во времена напряженной, сложной общественной ситуации. Будучи предвзято оценен в годы своего душевного и физического излома, он никогда уже не оправился от этого удара в полной мере. Динамика его эпистолярного общения 1820-40-х годов отчетливо показывает, что с поэтом произошла огромная перемена, в результате которой он утратил интерес ко всему, даже к собственному творчеству. Но и теперь Языков обладает замечательной способностью оценивать поэтов, произведения и определять их дальнейшую творческую жизнь. В одном из писем к сестре он рекомендует: «Из русских <…> я предлагаю читать хотя Карамзина, Жуковского повести». Там же он отзывается о Крылове: «<…> это такой автор, которого нельзя довольно хвалить и который всех настоящих поэтов русских умнее»[13]. Языков пишет о «Горе от ума»: «Это – произведение, делающее честь нашему времени и уму русскому. Какая галерея характеров, истинно комических, списанных с

природы! какой язык прекрасный и непринужденный, неистощимое остроумие и великое искусство схватывать положения …» [14] .

Не останавливаясь подробно на творческих перекличках в произведениях Гоголя и Языкова, можно отметить сходный стилистический строй и пафос некоторых стихотворений поэта и статей писателя[15]. Например, значительной долей сходства обладают понятия и обращения Гоголя «К близорукому приятелю» и стихотворения Языкова «К не нашим»:

Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство …

Гоголь пишет: «Вооружился взглядом современной близорукости, и думаешь, что верно судишь о событиях! Выводы твои – гниль: они сделаны без Бога. Что ссылаешься ты на историю? История для тебя мертва, - только закрытая книга»[16].

Языков восклицает:

Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский Бог еще велик![17]

Надо сказать, антитеза русского и иноземного, «неметчины» может быть даже представлена отдельной темой переписки поэта и писателя. Не разделяя славянофильских воззрений до конца, Гоголь все же близок к ним во многих своих высказываниях. Вот что он писал 5 мая 1846 года: «Немец судит довольно здраво [о «Мертвых душах» – Е.А.]. Это лучший взгляд, какой может иметь на эти вещи иностранец»[18]. 30 марта 1848 года: «<…> семена небесного сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду, но русская природа оказалась для них наиболее подходящей и потому, может быть, одному русскому суждено почувствовать ближе значенье жизни»[19]. Это суждение напрямую перекликается с идеями русских славянофилов и содержит корни будущих мессианских

и самобытнических исканий русской философии, талантливейшими представителями которой в 20 веке стали В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и другие.

Кроме перечисленных нами тем найдем еще немало вопросов, суждения о которых у Гоголя и Языкова очень похожи, например, в отношении к женщине, семье и т.д [20]. На наш взгляд, внутренней, скрытой, но подсознательно истинной причиной взаимной тяги двух художников друг к другу было понимание того, что другой так же неудовлетворен жизнью, изломан судьбой и собственными сочинениями. Еще А. Белый писал, преломляя все это, правда, через собственное видение ситуации, о постоянном гоголевском ощущении недовольства собой, окружающими, «оторванностью» от должного избранного пути: неудачи в Петербурге, непонятое обращение с кафедры, крах судьбоносных постановок, произведений[21]… . А для Языкова писатель стал чем-то вроде медиума, чудесным образом способного возвратить былое «буйство сил», тем более, что сам поэт давно уже отчаялся вновь воскресить свое дарование. Из письма в письмо он обещает братьям, что ему надо только переехать то в Москву, то в Симбирск, и уж он-то распишется в привольной для него обстановке. Но не помогли ни столица, ни родной город… . И вдруг он обретает человека, поверившего в его талант и превознесшего его выше всех других поэтов, существовавших на земле русской. Недаром же он писал: «Спасибо, трикраты спасибо тебе за неоставление меня твоими воспоминаниями обо мне и советами: советы твои бодрят меня, давая мне какую-то надежду на будущее, на лучшее, которого я так долго ожидаю, но которого ожидаю терпеливее с тех пор, как ты мне его обещаешь»[22]. Может быть, одна эта вера уже сотворила чудеса: последние стихи Языкова, несомненно, по-особому, по-зрелому хороши. Это уже не загулявшийся молодец, а серьезный, вдумчивый стихотворец.

В последний период жизни и творчества важным для Гоголя критерием духовной близости человека становится сходство судеб, трагедия сознания и надлом физических сил. Он искал единомышленника, человека, пережившего многое и способного понять, прочувствовать его собственные сомнения и раз-

думья. В Языкове он его обрел. Но и в этих отношениях писатель неизмеримо высок и, как ни парадоксально, одинок в своей гениальной святости, жертвенности, готовности служить искусству без остатка, несчастлив от понятия невозможности полной отдачи, равно как и принятия чужой души со всеми ее страданиями и бедами.

Примечания:

[1] Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952.

[2] Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя: В 4 т. М., 1897. Т.1-4.

[3] Азадовский М.К. Судьба литературного наследства Н.М.Языкова //Литературное наследство. М., 1935. Т.19-21. См. также: Азадовский М.К. Статьи о литературе и фольклоре. М.;Л., 1960.

[4] Степанов А. Новое письмо Н.В. Гоголя к Н.М. Языкову //Русская литература. 1962. № 2.

[5] Карпов А.А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н.М. Языкова //Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. Его же: Карпов А.А. Николай Васильевич Гоголь в его переписке //Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 5-27. Его же: Карпов А.А. Н.М. Языков: Проблемы творческой эволюции. Спб., 1998.

[6]Абашева Д.В. Н. Языков в оценках критики и литературном окружении. Чебоксары, 1999.

[7] Шенрок В.И. Николай Михайлович Языков //Вестник Европы. 1897. № 12. С. 637.

[8] Письма Н.В. Гоголя и Н.М. Языкова (кроме специально оговоренных случаев) цитируются по следующему изданию: Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т. 2.

[9] Переписка. С. 394.

[10] Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1937-1952.Т. 12.С. 383.

[11] Манн Ю.В. В поисках живой души: Писатель – критика – читатель. М., 1987.С. 215.

[12] Гоголь, 1952. Т.13. С. 224.

[13] Письма Н.М. Языкова к Н.В. Гоголю //Русская старина. 1896. № 12. С. 166.

[14] Там же. С. 243.

[15] См. об этом: Барабаш Ю.Я. Гоголь. Загадка «прощальной повести». М., 1993.

[16] Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями //Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1967.Т.6.С.16.

[17] Тексты стихотворений Языкова цитируются по академическому изданию: Языков Н.М.

[18] Гоголь, 1952. Т. 14. С. 115.

[19] Там же. Т. 14. С.109.

[20] У обоих существует идеал, воспеваемый и в творчестве и в письмах. Но есть и снижение образа до пустой, незатейливой дамочки.

[21] Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1996.

[22] Переписка. С. 380.